

№ 5.
1945.

УДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
1945

В Ы П У С К

V (XVI)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Т. ГОЛЯКОВА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

Москва-1946

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. Наказание в виде запрещения занятий той или иной должности не может применяться в порядке ст. 38 УК РСФСР и не может назначаться в виде дополнительного наказания, если в качестве основного применено условное наказание

Дело Юзвovich. Постановление от 4 мая 1945 г.

По приговору Военного трибунала Тихоокеанского бассейна, оставленному в силе определенном Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР, бывш. пом. заведующего причалом № 16 Юзвovich была осуждена по п. «д» ст. 162 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком на 2 года; вместе с тем, на основании ст. 38 УК РСФСР суд постановил запретить Юзвovich сроком на 2 года занимать должности, связанные с материальной ответственностью.

Суд неосновательно применил к Юзвovich ст. 38 УК РСФСР. Эта статья, предусматривая наказание в виде запрещения занятия определенной деятельностью или промыслом, не связывает это запрещение с должностным положением данного лица и не касается той или иной должности. Только в тех случаях, когда само занятие должности требует, чтобы лицо обладало определенной профессией (как, например, инженер на производстве, врач на государственной службе и т. д.), применение к этому лицу ст. 38 УК влечет автоматически и запрещение занятия этой должности. При этом такое запрещение выступает не в виде самостоятельного наказания, а как производное, вытекающее из факта запрещения занятия определенной профессией или промыслом, без обладания которыми невозможно занятие самой должности. Примененное в данном случае наказание тем более не может рассматриваться, как запрещение занятия должности, что лицо, уволенное с этой должности, остается лишенным права занятия данной профессией или промыслом, уже не состоя в ранее занимаемой должности. Поэтому, установленное законом наказание в виде запрещения занятий той или иной должности не является наказанием, предусмотренным ст. 38 УК РСФСР, и регулируется другими законами. Ввиду изложенного следует признать, что суд, запретив Юзвovich не занятие определенной профессией или промыслом, а занятие должностей, связанных с материальной ответственностью, неправильно сослался на ст. 38 УК РСФСР, предусматривающую иной вид наказания.

Вместе с тем, независимо от ссылки на ненадлежащий закон, суд и по существу незаконно вопреки ст. 34 УК РСФСР назначил Юзвovich дополнительное наказание в виде запрещения занятия должностей, связанных с материальной ответственностью, поскольку в качестве основной меры наказания ей было назначено условное лишение свободы. Запрещение занятия той или иной должности в качестве наказания установлено законом как один из видов поражения в правах (п. «в» ст. 31 УК РСФСР), а равно, как наказание, соединяемое с увольнением от должности (п. «з» ст. 20 и ст. 37 УК РСФСР). В силу ст. 23 УК РСФСР поражение в правах, а также увольнение от должности с запрещением занятия той или иной должности или без такого запрещения, могут применяться, как в виде основного, так и в виде дополнительного наказания. Однако запрещение занятия той или иной должности не может быть при-

менено в качестве дополнительного наказания в тех случаях, когда в качестве основного определено условное наказание. В тех случаях, когда такое запрещение применяется в качестве одного из видов поражения в правах, невозможность его сочетания с условным наказанием прямо вытекает из статьи 34 УК РСФСР, не допускающей соединения поражения в правах с условным осуждением. В тех же случаях, когда при условном осуждении в качестве дополнительного наказания применяется увольнение от должности, это увольнение не может быть соединяемо с запрещением занятия той или иной должности, так как такое запрещение по своему содержанию представляет собой ограничение права, прямо предусмотренное п. «в» ст. 31 УК РСФСР, и ничем от последнего не отличается. Поэтому условия, не допускающие применения запрещения занятия той или иной должности в качестве одного из видов поражения в правах, должны быть полностью распространены и на те случаи, когда такое запрещение соединено с увольнением от должности.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет: во изменение определения Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР, оставившей в силе без изменения приговор Военного трибунала Тихоокеанского бассейна по делу Юзович Лидии Макаровны, исключить из этого приговора запрещение Юзович занимать должности, связанные с материальной ответственностью.

2. Состояние необходимой обороны наступает не только в том случае, когда оборона осуществляется непосредственно в процессе нападения, но и тогда, когда начало реального осуществления нападения настолько очевидно и немишуемо, что принятие предупредительных мер ставит в явную, непосредственную и неотвратимую опасность лицо, вынужденное к принятию этих мер.

Дело Симахина и др. Постановление от 4 мая 1945 г.

По приговору народного суда Дальне-Константиновского района Горьковской области от 25 марта 1944 г., оставленному в силе определенным Судебной коллегией по уголовным делам Горьковского областного суда от 8 апреля 1944 г., были осуждены по п. «в» ст. 136 УК РСФСР Симахин П. В. к 7 годам лишения свободы, Глебов и Кожухов — к 3 годам лишения свободы каждый, Котов и Симахин Н. П. — к 2½ годам лишения свободы каждый, Калинин и Болонин — к 1½ годам лишения свободы каждый.

По приговору суда все осужденные по данному делу лица признаны виновными в убийстве своего односельчанина Козлова Виктора Ивановича, которое произошло при следующих обстоятельствах: 2 марта 1944 г. семеро подростков, жителей с. Сиуха, Кожухов, Котов, Николай Симахин и другие, собрались на квартире у своего товарища Виктора Глебова. Около 8 часов вечера к дому Глебовых подошел Виктор Козлов в сопровождении своего приятеля Губернаторова и троих подростков. Козлов потребовал, чтобы мать Глебова удалила собравшихся у нее подростков, угрожал, что избьет их и предупредил Глебову, что если она не выполнит его требования, то он учинит расправу над самой Глебовой. При этом Козлов послал двух сопровождавших его подростков (Солодкова Бориса и Васенкова) к себе на квартиру за ножом, который, однако, ему не был доставлен, так как Борис Варганов (один из присутствовавших у Глебовой гостей) нож у Солодкова отобрал. Испугавшись угроз Козлова, Глебова удалила своих гостей из дома, а последние, выйдя во двор, вооружились топором, тесаком, вилами и палками. В это время Козлов был задержан начальником добровольной пожарной дружины Варгановым, который его обезоружил, отобрав штык, тесак и железную трость. Между тем, из соседнего дома выбежал Симахин, отец Симахина Николая, находившегося в квартире Глебовой. Оповещенный об угрозах Козлова по адресу сына и остальных подростков, он нанес Козлову удар топором по голове, после чего и другие подростки стали избивать Козлова, который умер в результате нанесенных ему побоев.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Союза ССР от 21 января 1945 г. действия всех осужденных были переквалифицированы со ст. 136 на ст. 139 УК РСФСР, как убийство с превышением пределов необходимой обороны, и наказание определено Симахину П. В. в 1 год лишения свободы, а остальным — в 1 год исправительно-трудовых работ по месту работы с вычетом 20%.

Определение Коллегии опротестовано Прокурором Союза ССР в Пленум Верховного суда СССР. Соглашаясь с приведенными Коллегией данными о том, что Козлов являлся общественно-опасной личностью, занимался кражами, терроризировал окружающих, избивал подростков и женщин, угрожал убийством и т. д., Прокурор Союза ССР в своем протесте отмечает, что эта характеристика потерпевшего не могла повлиять на квалификацию действий подсудимых. Для квалификации убийства как убийства, явившегося результатом превышения пределов необходимой обороны, указывается далее в протесте, необходимо, чтобы убийство явилось следствием обороны от нападения, чтобы нападение было действительным и реальным и чтобы оборона была осуществлена непосредственно в процессе нападения. Между тем из дела видно, что Козлов фактически не нападал, а лишь угрожал нападением, что в момент избивания его осужденными он уже был один и без оружия, которое было отобрано Варгановым. При таком положении нет оснований утверждать, что обвиняемые действовали в состоянии необходимой обороны. Исходя из приведенных выше соображений, Прокурор СССР предлагает отменить определение Коллегии, оставив в силе приговор, но снизить наказание осужденным.

Рассмотрев и обсудив протест Прокурора СССР, Пленум находит, что он не подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Для состояния необходимой обороны не требуется в качестве обязательного условия, чтобы оборона была осуществлена непосредственно в процессе нападения, как об этом указывается в протесте. Состояние необходимой обороны наступает и в том случае, когда по всем обстоятельствам начало реального осуществления нападения настолько очевидно и неминуемо, что неприятие предупредительных мер ставит в явную, непосредственную и неотвратимую опасность лицо, вынужденное к принятию этих мер. Только в том случае, когда сама опасность нападения является нереальной или только предположительной, не может быть и речи о необходимой обороне. Поэтому для решения вопроса о том, находилось ли то или иное лицо в состоянии необходимой обороны в тех случаях, когда нападение не было осуществлено, необходимо установить, насколько опасность такого нападения была реальной и очевидной, что зависит от конкретных обстоятельств того или иного дела.

Подходя с этой точки зрения к данному делу, следует признать, что осужденные находились в состоянии необходимой обороны против реальной и неминуемой опасности нападения со стороны Козлова и находившихся с ним лиц. Из дела видно, и эти обстоятельства не отрицаются протестом, что Козлов потребовал от матери Глебова удаления находившихся у нее в доме подростков для расправы над ними, и угрожал самой Глебовой расправой, если она не подчинится его требованию. При этом Козлов, который был уже вооружен штыком, тесаком и пр., послал двух из сопровождавших его лиц за ножом. Испугавшись угроз Козлова, Глебова удалила подростков из своего дома, и таким образом последние были поставлены перед явной, очевидной опасностью нападения со стороны Козлова. Эта опасность была тем более реальной, что Козлов был известен всем осужденным как лицо и ранее терроризировавшее окружающих неоднократными расправами. В связи с этим следует отметить неосновательность возражения протеста против приведенной Коллегией характеристики Козлова, так как эта характеристика привлечена в качестве одного из доказательств, свидетельствующих о реальности опасности нападения, которой подвергались осужденные, что в совокупности с другими, изложенными выше обстоятельствами давало основание прийти к выводу, что осужденные находились в состоянии необходимой обороны. При этом такое состояние должно быть признано не только у обвиняемых, непосредственно подвергавшихся опасности расправы, но и у Симахина П. В., поспешившего на помощь сыну

и другим подросткам, поскольку, в силу ст. 13 УК РСФСР, состояние необходимой обороны признается в случае действий против посягательства на личность и права не только самого обороняющегося, но и других лиц.

Что же касается указания в протесте на то, что действия обвиняемых, повлекшие смерть Козлова, были ими предприняты уже после обезоружения последнего, когда непосредственная опасность с его стороны уже миновала, то именно эти обстоятельства и давали основание квалифицировать эти действия, как убийство в результате превышения пределов необходимой обороны, так как одним из видов такого превышения является превышение пределов необходимой обороны в результате ее несвоевременности. При отсутствии этих обстоятельств в действиях обвиняемых, находившихся в состоянии необходимой обороны, нельзя было бы усмотреть превышение ее пределов и тогда эти действия вообще не содержали бы состава преступления.

По изложенным основаниям Пленум Верховного суда Союза ССР постановляет:

протест Прокурора Союза ССР по настоящему делу отклонить.

3. Мобилизованный на производство, явившийся по месту мобилизации и зачисленный на работу, подлежит ответственности в случае самовольного ухода не как за уклонение от мобилизации, а как за дезертирство, даже если он фактически к работе не приступал

Дело Голубевой. Постановление от 4 мая 1945 г.
[Извлечение]

По приговору Военного трибунала войск НКВД Кемеровской области от 14 июля 1944 г. Голубева была осуждена по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. к 6 годам тюремного заключения без поражения в правах по обвинению в том, что, будучи мобилизованной 3 августа 1943 г. и направленной для работы в Кузнецком металлургическом комбинате, она, оформившись 6 августа 1943 г. в Отделе кадров Комбината для работы в мартеновском цехе, в цех не явилась, а дезертировала.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 марта 1945 г. действия Голубевой были переквалифицированы на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. и наказание ей определено в 1 год исправительно-трудовых работ. Свое определение Коллегия мотивировала тем, что, оформившись в Отделе кадров Комбината на работу в цехе, Голубева фактически к работе не приступила, а вернулась обратно домой.

Определение Коллегии является неправильным, так как с момента явки Голубевой по месту мобилизации и зачисления ее на работу Отделом кадров Голубева должна рассматриваться как работник данного предприятия, и поэтому самовольный уход ее из предприятия, даже до фактического приступа ее к работе в цехе, представляет собой не уклонение от мобилизации, а дезертирство, правильно квалифицированное судом первой инстанции по Указу от 26 декабря 1941 г.

4. Грань между понятиями бездельничания, влекущего дисциплинарную ответственность, и уголовно-наказуемого прогула проходит по признаку присутствия или отсутствия работника по месту работы в рабочее время

Дело Кондалинцева. Постановление от 4 мая 1945 г.

По приговору Военного трибунала Нижне-Амурского речного пароходства Кондалинцев был осужден по Указу от 26 декабря 1941 г. к пяти годам лишения свободы в исправительных лагерях без поражения в правах.

Приговором по делу установлено, что Кондалинцев, масленщик парохода «Грозный», работавший в межнавигационный период на лесозащитке, вышел в 8 часов утра на работу, но, проработав некоторое время, пошел греться к кост-

ру, где оставался в течение двух часов, после чего, возвратившись к месту работы, взял топор и в 11 часов, т. е. за 1 час до обеденного перерыва, пришел в общежитие и оставался там до обеда. Таким образом, суд признал, что Кондалинец совершил прогул без уважительных причин в течение трех часов, и поскольку этот прогул имел место в период отбывания наказания за предыдущие два прогула, осудил Кондалинцева по указу от 26 декабря 1941 г.

Рассмотрев настоящее дело в кассационном порядке по жалобе осужденного, Военная водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР приговор оставила в силе. Коллегия указала, что, как видно из материалов дела, Кондалинец бездельничал на производстве в течение трех часов, а так как он является злостным нарушителем труддисциплины, ранее дважды судимым за прогул, то суд правильно квалифицировал его преступление по Указу от 26 декабря 1941 г.

Формулируя преступные действия, совершенные Кондалинцевым, Коллегия изложила их таким образом, что они прямо противоречат конечному выводу Коллегии. По закону прогул является таким нарушением трудовой дисциплины, которое во всех случаях (за исключением появления на работе в нетрезвом виде) обязательно предполагает отсутствие работника на месте работы в рабочее время. Что же касается бездельничанья на производстве, то согласно прямого смысла п. 21 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, утвержденных постановлением Совнаркома СССР от 18 января 1941 г., этот вид нарушения труддисциплины не является прогулом и влечет не уголовную, а дисциплинарную ответственность.

Поэтому, признав что Кондалинец бездельничал на производстве, Коллегия не только не имела оснований признать правильным обвинение его в прогуле, но обязана была отменить приговор и прекратить дело производством в уголовном порядке.

По этим основаниям определение Коллегии подлежит отмене, так как его констатационная часть находится в резком противоречии с конечным решением и ввиду этого либо первая, либо второе должны быть отвергнуты.

Обращаясь непосредственно к материалам дела, необходимо признать, что Кондалинцеву необоснованно вынесен обвинительный приговор.

Действия, инкриминируемые Кондалинцеву, складываются из двух эпизодов: 1) Кондалинец в течение двух часов не работал и грелся у костра; 2) за час до обеденного перерыва Кондалинец ушел в общежитие и оставался там до обеда.

По первому эпизоду следует отметить, что точное время, в течение которого Кондалинец находился у костра, по делу не установлено. Кондалинец утверждал, что он пробыл у костра несколько минут, где его застал мастер Васенок. Время в 2 часа, установленное судом, основано на показаниях Васенка о том, что он не застал Кондалинцева на месте работы и что одна из работавших женщин, некая Преданникова, заявила ему, что Кондалинец с самого утра ушел в лес, после чего Васенок пришел дальше к сучкожогам, где застал Кондалинцева греющимся у костра. Сама Преданникова по делу допрошена не была.

Но если даже считать установленным, что Кондалинец находился у костра, то и в этом случае не имеется оснований квалифицировать эти действия Кондалинцева как прогул. Для наличия прогула недостаточно одного лишь отсутствия на рабочем месте, но требуется отсутствие с места работы. Именно по этому признаку, т. е. присутствию или отсутствию по месту работы и проходит грань между понятиями прогула и бездельничанья. Кондалинец же, отсутствуя на своем рабочем месте, находился в пределах обрабатываемого лесоучастка. Поэтому Кондалинец не мог рассматриваться как лицо, отсутствующее с места работы, и, ввиду этого, по данному эпизоду мог быть признан виновным не в прогуле, а в бездельничаньи.

Что же касается второго эпизода, т. е. ухода Кондалинцева в общежитие за час до обеденного перерыва, то в случае доказанности этого обвинения, Кондалинец должен был быть признан виновным не в бездельничаньи (как это указала Коллегия), а в прогуле, поскольку данное нарушение труддисциплины

было связано не только с отсутствием на рабочем месте, но и по месту работы. При этом не имеет значения то обстоятельство, что общежитие могло быть расположено на территории лесоучастка, поскольку общежитие по своему характеру должно считаться исключением из производственной сферы обрабатываемого лесоучастка и не может поэтому рассматриваться, как место работы.

На таких же основаниях невыход на работу из общежития, расположенного на территории предприятий, или преждевременный уход с работы в это общежитие должен рассматриваться, как прогул.

По делу, однако, не выяснены все обстоятельства ухода Кондалинцева в общежитие и самое время этого ухода. Вывод суда о том, что уход имел место за час до обеденного перерыва, основан на показаниях того же мастера Васенюк, данных со слов пилотрава Шуленова, который по делу не допрошен. Сам Кондалинцев показал, что он, окончив колку дров, зашел в общежитие, чтобы поправить топориче и пока заклинивал топор, пришло время обеда. Эти объяснения по делу не проверены. При всех указанных обстоятельствах обвинение в этой части не может считаться доказанным.

По всем изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР постановляет:

приговор Военного трибунала Нижне-Амурского речного пароходства и определение Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР по делу Кондалинцева Федора Васильевича отменить и дело производством прекратить по первому из инкриминируемых Кондалинцеву эпизодов за отсутствием в его действиях состава уголовного преступления и по второму — за недоказанностью обвинения.

5. Рассмотрение жалоб отдельных лиц о несогласии с наложенными на них по предложению государственной торговой инспекции дисциплинарными взысканиями производится в соответствии с Кодексом законов о труде

Дело Андреевой и Шамсутдиновой. Постановление от 13 июля 1944 года.

Андреева А. Г. и Шамсутдинова С., работавшие продавцами в магазине, были уволены 29 марта 1942 года с работы по предложению Государственной торговой инспекции за нарушение правил торговли. Считая увольнение неправильным, Андреева и Шамсутдинова обжаловали приказ об увольнении в РКК. Так как стороны в РКК по согласию не пришли, Андреева и Шамсутдинова предъявили в народном суде иск о восстановлении на работе и оплате прогула. Решением народного суда 1-го участка Ленинского района гор. Семипалатинска от 11 июля 1942 г. постановлено Андрееву и Шамсутдинову на работе восстановить с оплатой за 20 дней прогула. По протесту Прокурора СССР Судебная Коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР 9 января 1943 года решение народного суда отменила и дело производством прекратила¹.

Имея в виду:

1. Что директивное письмо от 10 июня 1935 года № 27 «О недопустимости принятия судами к своему производству исков о восстановлении в должности работников торгового аппарата, уволенных по предложению Государственной торговой инспекции за нарушение правил торговли», на которое ссылается в своем определении Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, отменено приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР от 11 июля 1938 г. № 64/789.

2. Что согласно приказа Наркомторга СССР от 3 мая 1938 года, действовавшего в момент рассмотрения дела в суде, и по действующему ныне приказу Наркомторга СССР от 8 февраля 1943 года о работе Государственной торговой инспекции, жалобы отдельных лиц о несогласии с наложенными на них по предложению Государственной торговой инспекции дисциплинарными взыска-

¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. IV, стр. 34

ниями к рассмотрению органами Государственной торговой инспекции не принимаются и рассмотрение их должно проходить в соответствии с Кодексом законов о труде.

3. Что таким образом следует признать, что настоящее дело было правильно принято народным судом к производству на основании примечания к статье 21 ГК РСФСР —

Пленум Верховного суда СССР постановляет:
определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 9 января 1943 года по данному делу отменить и оставить в силе решение народного суда 1-го участка Ленинского района г. Семипалатинска от 11 июля 1942 года.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. Злоупотребление служебным положением по корыстным мотивам, повлекшее крупный материальный ущерб государству или общественной организации, должно квалифицироваться по закону от 7 августа 1932 г. Суд не вправе указывать в приговоре на виновность третьего лица, не привлеченного по данному делу, не возбудив одновременно уголовного дела против этого лица

Дело Сукиасяна. Осужден Верховным судом Армянской ССР по ст. 135 УК Армянской ССР (злоупотребление служебным положением). Определение от 28 февраля 1945 г.

Сукиасян работал заведующим складом колхоза в с. Гюллиджи с августа 1943 г. по май 1944 г. Комиссия райзема отдела 10 мая 1944 г. произвела ревизию склада за время его операций, с 17 октября 1943 г. по 10 мая 1944 г., и установила недостачу следующих продуктов: 414 кг пшеницы, 132 кг ячменя, 167 кг ячменной муки, 68 кг пшеничной муки, 619 кг неочищенного зерна, 9697 кг картофеля, 44 кг масла, 566 кг сыру и 22 кг меду, в общей сложности на сумму 191 536 руб.

Комиссия указала в акте, что 230 кг зерна выписаны в расход по документам, которые она считает подложными. Ревизия производилась в присутствии Сукиасяна, однако, вследствие того, что он настаивал на производстве повторной проверки, по предложению прокуратуры была произведена вновь документальная проверка отчетности склада со снятием остатков, которая установила те же самые недостачи. О причинах недостач Сукиасян объяснений комиссии не дал, оговорив в акте, что эти объяснения он даст в процессе следствия.

При допросе Сукиасяна 28 сентября 1944 г. районным прокурором, он, не отрицая выявленных на складе недостач, также не смог дать удовлетворительных объяснений, но дал обязательство представить ряд документов, не учтенных при ревизии и оправдывающих, по его мнению, недостачи по некоторым продуктам.

В дальнейшем Сукиасян представил несколько актов, в том числе об очистке 1300 кг зерна и об образовавшихся вследствие этого отходах, которые не были списаны комиссией, и четыре акта о порче в общей сложности более 13 тонн картофеля.

Представленные Сукиасяном акты нельзя признать полноценными документами, поскольку они составлены самим Сукиасяном и подписаны разными лицами простым карандашом и разными чернилами. При этом должностное положение лиц, подписавших акты, не установлено, а также неизвестно, имели ли они полномочия на составление актов. Одно из лиц, подписавших эти акты — Восканян Камсар на допросе 29 января 1944 г. заявил, что он акты подписал по предложению Сукиасяна, не зная их содержания.

В деле есть недостаточно проверенные данные о том, что Сукиасян вел жизнь не по средствам, причем приобретал различные вещи, в том числе теленка, расплачиваясь картофелем и пшеницей.

Учитывая крупные размеры недостачи зерна, муки, масла, сыра и других продуктов, при наличии данных о злоупотреблениях обвиняемого Сукиасяна и актов, возбуждающих сомнения в их правильности, Сукиасян был предан суду с квалификацией преступления по закону от 7 августа 1932 г. Верховный суд Армянской ССР при рассмотрении дела установил, что Сукиасян, заведывая складом, разбазаривал продукты, отпуская их без надлежащего оформления документами и брал продукты для себя, а также обменивал на различные вещи. Не исследовав, однако, правильности представленных Сукиасяном актов на порчу 13 400 кг картофеля и не установив, что картофель в указанном количестве был действительно испорчен по причинам, от Сукиасяна не зависящим, Верховный суд усумнился в размерах недостачи и, исходя из этого, изменил квалификацию преступления Сукиасяна на ст. 135 УК Армянской ССР, а наказание Сукиасяну назначил в три года лишения свободы.

Предрешив в приговоре виновность председателя колхоза с. Гюллиджи в халатности, Верховный суд Армянской ССР пришел к выводу, что свидетели Курджибян, Сукиасян Сируш и Карамян давали на предварительном следствии и суде неправильные показания, обвиняя Сукиасяна Давида в тяжком преступлении, и постановил привлечь их к уголовной ответственности за дачу ложных показаний по ч. 2 ст. 119 УК Армянской ССР.

Приговор Верховного суда Армянской ССР подлежит отмене по следующим основаниям:

1. Документы на порчу 13 400 кг картофеля, по причинам, изложенным выше, не могут быть признаны полноценными, тем более, что они на 3 тыс. кг с лишним превышают установленную недостачу картофеля (9697 кг). Поэтому Верховный суд Армянской ССР не имел оснований исключать из недостачи 13 400 кг картофеля без проверки самого факта порчи, количества испорченного картофеля, также правомочности лиц, подписавших акты, и допроса их на предварительном и судебном следствиях.

2. Если даже исключить из суммы недостачи испортившийся картофель (не 13 400 кг, а фактическую недостачу — 9697 кг), то недостача зерна, муки, сыра, масла и других продуктов настолько значительна, что при доказанности злоупотреблений Сукиасяна и присвоения им хотя бы части продуктов, дает основания к квалификации его действий по закону от 7 августа 1932 г. Изменение же квалификации на ст. 135 УК Армянской ССР нельзя признать достаточно обоснованным и мотивированным.

3. Суд указал в приговоре, что ответственность вместе с Сукиасяном Давидом за недостачи должен нести председатель правления колхоза Сукиасян Ованес и расценил действия последнего как халатности, однако, не вынес определения о привлечении его к уголовной ответственности.

Указание в приговоре на виновность Сукиасяна Ованеса нельзя признать правильным и законным, поскольку Сукиасян Ованес не был привлечен к уголовной ответственности и по данному делу давал показания на следствии и суде только как свидетель.

Суд, усмотрев в действиях свидетеля наличие признаков того или иного преступления, должен особым определением поставить вопрос о привлечении его к уголовной ответственности, а не предрешать его виновность в приговоре, не имеющем к нему отношения. Усмотрев же из обстоятельств дела, что за те или иные преступные действия должен нести ответственность не один только обвиняемый, но и другие лица, суд обязан приостановить рассмотрение дела и направить его на следствие для привлечения к ответственности этих лиц совместно с обвиняемым.

4. Для привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 119 УК Армянской ССР свидетелей суд должен также вынести особое определение, в котором конкретно указать факты, изобличающие свидетелей в даче ложных показаний.

В приговоре же Верховного суда Армянской ССР хотя и указано, что свидетели давали на предварительном и судебном следствии ложные показания,

направленные на обвинение Сукиасяна Давида, однако не конкретизировано. из каких фактов суд приходит к убеждению о лживости показаний свидетелей.

Если суд имел ввиду подвергнуть сомнению объективность показаний свидетелей в отношении обвиняемого и на этом основании изменить формулировку и квалификацию обвинения, тем более, он должен был указать в приговоре на конкретные факты, исходя из которых он пришел к выводу о необходимости указанных изменений.

По изложенным основаниям, считая необходимым произвести проверку правильности утверждений обвиняемого и представленных им актов о порче картофеля, о несписании с него отходов, о правомочности лиц, подписавших указанные акты, о проверке действий председателя правления колхоза Сукиасяна Ованеса, которого суд преждевременно признал виновным в халатности, и о проверке правильности показаний свидетелей Курджиана, Сукиасян Сируш и Карамяна. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

приговор Верховного суда Армянской ССР по делу Сукиасяна отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

2. Корыстные должностные злоупотребления, повлекшие незаконное обращение в свою пользу социалистического имущества в особо крупных размерах, подлежат квалификации по закону от 7 августа 1932 г.

Дело Мусаева и др. Осуждены народным судом 1-го участка Шамхорского района по ст. 143 УК Азербайджанской ССР (злоупотребление служебным положением). Определение от 10 марта 1945 г.

Мусаев работал заведующим складом колхоза им. 8 марта в селении Сейфали Шамхорского района, Бююккишиев — председателем ревкомиссии, Ибрагимов Садых — председателем комиссии по приемке зерна с тока, Алиева и Джафаров — членами этой комиссии, а Ибрагимов Ибрагим — бухгалтером правления этого колхоза. Они признаны виновными в том, что по сговору между собой с целью последующего присвоения создали на складе, которым заведывал Мусаев, излишки зерна в количестве 5479 кг ячменя и 2910 кг пшеницы, что и было обнаружено 22 июля.

В основу обвинения положен акт, составленный 22 июля агрономом Шамхорской МТС Касумовым, бухгалтером колхоза «Коминтерн» Мамадалиевым и другими лицами, которые произвели внезапную проверку на складе и обнаружили неприходованное зерно в указанном количестве. Исходя из этого обстоятельства, органы предварительного следствия, а затем и суд сделали вывод, что излишек зерна создан искусственно обвиняемыми по сговору с целью присвоения этого зерна.

Если бы имелось достаточно доказательств для обвинения должностных лиц колхоза в том, что они по сговору между собой приготовили для хищения более восьми тонн зерна, умышленно не оприходовав это зерно, их действия надлежало бы квалифицировать не по ст. 143 УК Азербайджанской ССР, а по закону от 7 августа 1932 г. Однако достаточно обоснованных доказательств для такого вывода по делу не собрано.

Ни у кого из обвиняемых на дому зерна, незаконно изъятая с колхозных гоков, не обнаружено. Все они утверждали, что во второй половине июля шли дожди, а на токах скопилось большое количество пшеницы и ячменя, которое они и начали срочно завозить на склад колхоза. Зерно завозилось днем 21 и ночью на 22 июля и, естественно, что вследствие короткого времени и срочной работы еще не было оприходовано. При внезапной же проверке 22 июля оказалось в излишке. Председатель колхоза Алиев Намаз подтвердил это обстоятельство и между прочим показал, что председатель ревизионной комиссии Бююккишиев пошел за книгой для оприходования зерна, привезенного в склад, но обратно не вернулся. Остальные лица, не дождавшись его, разошлись по домам.

Ни следствие, ни суд не проверили правильности показаний председателя правления колхоза Алиева. Если они соответствуют действительности, то обвинение, предъявленное по делу, этими показаниями опровергается. Если же показания Алиева заведомо неправильны, он подлежит ответственности за дачу ложных показаний. Бухгалтер Ибрагимов утверждает, что 21 и 22 июля его в колхозе не было, так как он уезжал в Кировабад. Хотя представленная защитником справка нуждается в проверке даты, однако, отсутствие бухгалтера Ибрагимова подтверждается и другими данными по делу. В день проверки склада заведующий складом Мусаев, по его словам, также отсутствовал.

Считая дело совершенно недоследованным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

приговор народного суда 1-го участка Шамхорского района и определение Верховного суда Азербайджанской ССР отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

3. Несдача вверенного государственного имущества по назначению сама по себе не дает оснований для обвинения в присвоении, если по делу установлено, что она не была вызвана целью незаконного удержания со стороны лица, кому это имущество было вверено

Дело Геодакян. Осуждена народным судом 1-го участка г. Ереван, по ч. 2 ст. 142 УК Армянской ССР (присвоение). Определение от 6 марта 1945 г.

Геодакян судом признана виновной в том, что, работая заведующей Сисианской тропической станции и получив в Ереване для станции в числе других медикаментов 5,5 кг хинина и акрихина, она с целью присвоения не сдала их на станцию и только во время обыска, произведенного по другому делу, они были обнаружены у нее на квартире.

Геодакян виновной себя не признала и объяснила, что, получив медикаменты, и поскольку связь со станцией поддерживалась только при помощи самолета, она, будучи ограничена в возможности перевозки багажа, была вынуждена часть медикаментов, в частности хинин и акрихин, оставить в Ереване у себя в квартире, с расчетом, что в следующую поездку она их заберет. Однако в связи с болезнью не могла приехать и хинин с акрихином продолжал оставаться в Ереване.

Свидетель Давтян (начальник Аптекоуправления) показал, что Геодакян не могла присвоить хинин и акрихин, поскольку Сисианский отдел здравоохранения знал об их отпуске Геодакян.

По делу установлено, что задержка вторичной поездки Геодакян в Ереван действительно была вызвана ее болезнью.

Вывод суда, что Геодакян пыталась присвоить хинин и акрихин, основан только на предположении. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР, находя обвинение Геодакян недоказанным, определила:

приговор народного суда 1-го участка Молотовского района г. Еревана и определение Верховного суда Армянской ССР в отношении Геодакян отменить и дело о ней в уголовном порядке производством прекратить.

4. По делам о растратах суд обязан тщательно исследовать все обстоятельства, влияющие на решение вопроса о том, явилась ли недостача результатом присвоения или она образовалась по другим причинам, не связанным с корыстной заинтересованностью подсудимого

Дело Акопяна. Осужден народным судом 1-го участка Кировского района г. Еревана по ч. 1 ст. 142 УК Армянской ССР (растрата). Определение от 10 марта 1945 г.

Акопян признан виновным в том, что он, работая экспедитором Ереванского треста кафе-ресторанов, присвоил 137 кг картофеля, 949 кг соли и 3454 руб. денег.

Как видно из материалов дела, Акопян был командирован на ст. Колагерань для приемки и отгрузки картофеля. Складские помещения оборудованы не были, вследствие чего поступающий картофель хранился под открытым небом. Всего было принято 65 241 кг картофеля. Ввиду плохого хранения картофель портился и сверх нормальной убыли испортилось еще 137 кг картофеля.

О плохих условиях хранения картофеля Акопян телеграфно уведомил директора треста и просил дать распоряжение о прекращении дальнейшей отгрузки картофеля, но на эту телеграмму администрация треста не реагировала.

Такая же телеграмма Акопяном была послана в адрес прокурора республики с просьбой воздействовать на дирекцию треста.

Что же касается эпизода с солью, то как видно из имеющихся в деле материалов, Акопян доставил из Нахичевани на ст. Ереван 207 тонн соли на открытых платформах. Прибывшая соль на ст. Ереван в течение двух суток из-за отсутствия перевозочных средств не выгружалась. Вследствие того, что соль в эти дни попала под дождь, образовалась недостача в размере 949 кг сверх нормальной убыли, о чем свидетельствует имеющийся в деле акт.

По делу установлено, что Акопян своевременно ставил в известность дирекцию треста и просил принять меры к немедленной выгрузке соли. По его же требованию была создана комиссия для проверки состояния прибывшей соли.

Вина Акопяна в присвоении 3454 р. 66 к. по делу ничем не подтверждена. Из имеющихся в деле документов видно, что указанная сумма Акопяном была израсходована на оплату рабочим за перевозку картофеля из Степанованского района на ст. Колагерань, а также на питание рабочих.

При таких обстоятельствах дела у суда не было оснований для вынесения Акопяну обвинительного приговора.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

приговор народного суда и определение Верховного суда Армянской ССР по делу Акопяна отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

5. Кража предполагает наличие умысла на обращение в свою собственность незаконно изъятого имущества

Дело Рязановой, Гуськовой и Семечковой.
Осуждены народным судом Сараевского района Рязанской области по п. «д» ст. 162 УК РСФСР. Определение от 17 марта 1945 г.

Осужденные судом признаны виновными в том, что они, работая в Сараевской МТС—Гуськова комбайнером, Рязанова—пом. комбайнера, а Семечкова—бригадиром тракторного отряда—7 сентября 1944 г. похитили из-под комбайна, находившегося в поле колхоза «Красный луч», 36 кг ржи, которая у них, когда она находилась на территории МТС, была изъята и возвращена колхозу. Приговор является неправильным и подлежит отмене по следующим основаниям:

Осужденные не признавая себя виновными, на предважительном и судебном следствии утверждали, что рожь они взяли не с целью присвоения, а с целью обмена на бензин и баббит, необходимые для их работы. Осужденные заявили, что хотя рожь они и взяли без разрешения председателя колхоза, однако, когда у них с ним происходил разговор об отпуске зерна с целью обмена на необходимый им бензин, против этого он не возражал. Суд отверг эти объяснения осужденных по мотивам, что, как это видно из справки МТС, в тракторном отряде горючее имелось в достаточном количестве, бензин же для комбайна не требовался, поскольку последний заправлялся керосином. Однако эту ссылку суда нельзя признать достаточной. То, что вопрос о приобретении бензина возникал и что наряду с разговором об отпуске зерна для обмена на бензин был, подтверждала на суде и свидетельница Киселевич. Недостатком расследования и рассмотрения дела в суде является неудовлетворительное выяснение обстановки, в которой были совершены инкриминируемые осужденным действия. Так, не было выяснено, вызывалась ли в тот день поездка осужденных к комбайну, а затем и в МТС, служебной необходимостью. Последнее обстоятельство имеет

важное значение потому, что если правильно утверждение кассационной жалобы о близости места жительства осужденных к колхозному полю, то поездка их с похищенным зерном в МТС, не вызванная служебной необходимостью, представлялась бы непонятной. Неоходимо было также выяснить все те обстоятельства, которые могли свидетельствовать о том, пытались ли осужденные скрыть зерно, находившееся у них на телеге или нет. В связи с этим надо отметить показания свидетельницы Киселевич, во-первых, о том, что мешок с зерном на телеге был чуть прикрыт соломой, а во-вторых, о том, что когда она обнаружила это зерно и спросила у осужденных, что это за зерно, они ей ответили, что оно приготовлено для обмена на бензин. С этими показаниями свидетельницы Киселевич не сопоставлены показания работника МТС Бахарева о том, что, получив сообщение от начальника отделения милиции о хищении зерна из-под комбайна, он передал об этом осужденным и велел им оставаться в МТС. Не установлено, предшествовал ли этот разговор с Бахаревым разговор осужденных с Киселевич или последний произошел уже после того, как они были предупреждены о хищении зерна.

Невыясненность всех этих обстоятельств, которые в своей совокупности только могли привести к обоснованному выводу о действительном характере умысла осужденных, делает приговор суда необоснованным. Обвиняемые должны были бы нести ответственность и в том случае, если они взяли зерно для указанной ими цели. Но в этом случае встал бы вопрос об иной квалификации их действий, а не как кражи.

Учитывая, что зерно у обвиняемых изъято и возвращено колхозу и ущерб последнему, таким образом, не было причинено, что никаких иных порочащих осужденных действий в материалах дела нет, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, считая нецелесообразным направление дела в настоящее время на новое рассмотрение, определила:

приговор народного суда Сараевского района и определение Рязанского областного суда в отношении Рязановой, Гуськовой и Семенчевой отменить и дело на основании ст. 8 УК РСФСР в уголовном порядке производством прекратить.

6. Кража предполагает сознание обвиняемого об отсутствии у него законного права на изымаемое имущество

Дело Герасимчук. Осуждена народным судом Слободчанского района Житомирской области по п. «е» ст. 170 УК УССР (кража социалистической собственности). Определение от 3 марта 1945 г.

Герасимчук признана виновной в том, что она в период уборочных работ 1944 г. на колхозном поле похитила 120 кг ржи.

Приговор народного суда и определение Житомирского областного суда подлежат изменению по следующим основаниям: суд неправильно квалифицировал действия Герасимчук по ст. 170 п. «е» УК УССР.

Как видно из объяснения осужденной и показаний в суде свидетелей Гетьман и Криволайчук, Герасимчук обращалась с просьбой разрешить ей убрать в ее личную пользу 0,1 га приусадебного участка, который ранее принадлежал ей, но как правление колхоза, так и райземотдел ей в этой просьбе отказали. Считая, что ее просьба отклонена неправильно, так как этот участок был засеян ею, Герасимчук открыто, днем, на глазах у колхозников взяла с поля 120 снопов и отвезла их домой. В этих действиях отсутствуют признаки кражи, а преступление Герасимчук следует расценивать как самоуправство, предусмотренное ст. 154 УК УССР.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

преступление Герасимчук вместо п. «е» ст. 170 УК УССР квалифицировать по ст. 154 УК УССР и определить ей наказание три месяца исправительно-трудовых работ.

7. При хищении вещей, среди которых находились продовольственные карточки, ст. 169 УК РСФСР может быть применена только в том случае, если обвиняемый знал о наличии карточек среди других предметов

Дело Кузнецова и др. Осуждены народным судом 5-го уч. Кировского района г. Москвы по п. «в» ст. 162 и ч. 2 ст. 169 УК РСФСР. Определение от 24 марта 1945 г.

Кузнецова, Хабибуллина и Лифанова суд признал виновными в том, что они в сентябре 1944 г. по предварительному сговору, путем взлома замков совершили кражу носильных вещей из квартиры Соколовой и, кроме того, похитили три хлебные карточки.

Виновность Кузнецова, Хабибуллина и Лифанова в краже вещей материалами дела доказана и это преступление по п. «в» ст. 162 УК РСФСР квалифицировано правильно. Виновность же их в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 169 УК РСФСР нельзя признать доказанной, так как они не знали о том, что в похищенных вещах находились карточки. Не знала об этом и сама потерпевшая Соколова, которая о краже хлебных карточек не заявляла. Хлебные карточки были обнаружены у Кузнецова при изъятии у него похищенных вещей Соколовой. При таких данных для признания осужденных виновными по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР у суда не было оснований.

В связи с изложенным Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

приговор народного суда 5-го уч. Кировского района г. Москвы и определение Московского городского суда изменить. Обвинение Кузнецова, Хабибуллина и Лифанова по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР из приговора исключить. В части же осуждения их по п. «в» ст. 162 УК РСФСР на один год лишения свободы каждого, приговор оставить в силе.

8. Признавая подсудимого виновным в халатности, суд в приговоре обязан указать, в чем конкретно выразилось халатное отношение подсудимого к своим обязанностям, повлекшее инкриминируемый ему преступный результат.

Дело Шахбазяна. Осужден народным судом Кирово-Армянской области по ст. ст. 135, 146 ч. 1 и 137 УК Армянской ССР (злоупотребление служебным положением, служебный подлог и халатность). Определение от 7 марта 1945 г.

Шахбазяна, председателя правления колхоза в с. Когес Степанаванского района, суд признал виновным в том, что он продавал хлеб с превышением установленной цены и составил подложный счет на уплату возчикам за перевозку телефонных столбов на сумму 1300 руб. и квалифицировал в этой части его действия по ст. ст. 135 и 146 ч. 1 УК Армянской ССР. Кроме того, народный суд признал Шахбазяна виновным в том, что он, совместно с заведующим фермой Хачатуряном не обеспечил ухода за мелким скотом, вследствие чего пало 110 овец и ягнят, а 60 голов были прирезаны. Квалифицируя действия Шахбазяна и Хачатуряна в этой части обвинения по ст. 137 УК Армянской ССР, суд в отношении Шахбазяна указал лишь в приговоре, что он должен нести ответственность за падеж скота вместе с Хачатуряном, однако, не конкретизировал, в чем же выразилась халатность Шахбазяна.

Верховный суд Армянской ССР, признав обвинение Шахбазяна в повышении цен на хлеб и представлении подложного счета недоказанным и исключив, поэтому, применение к Шахбазяну ст. ст. 135 и 146 ч. 1 УК Армянской ССР, в части обвинения его по ст. 137 УК Армянской ССР приговор составил в силе. Таким образом, Верховный суд Армянской ССР, оставив за Шахбазяном обвинение, которое народный суд не смог с достаточной четкостью сформулировать в приговоре, не указав в свою очередь в определении, какими данными под-

тверждается виновность Шахбазяна в халатности. Между тем по материалам дела конкретных данных о халатности Шахбазяна нет, а поэтому, как народный суд, так и Верховный суд Армянской ССР и не смогли четко сформулировать его виновность по ст. 137 УК Армянской ССР.

Считая обвинение Шахбазяна по ст. 137 УК Армянской ССР недоказанным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: приговор народного суда 1-го уч. Кироваканского района и определение Верховного суда Армянской ССР в части осуждения Шахбазяна отменить и дело о нем производством прекратить.

9. Должностное лицо не может нести ответственности за последствия, хотя и имевшие место в сфере его служебной деятельности, но наступившие в результате действий других должностных лиц, которые (действия) оно не могло и не должно было устранить

Дело Исмаилова. Осужден народным судом Агджабединского района по ч. 2 ст. 146 УК Азербайджанской ССР (халатность). Определение от 28 февраля 1945 г.

Исмаилов признан виновным в том, что он, работая заведующим фермой колхоза «Зарбалджи», халатно относился к своим обязанностям и допустил падеж 101 овцы и 87 ягнят.

Время совершения преступления в приговоре не указано, а между тем, это обстоятельство является решающим для вывода о виновности или невинности Исмаилова.

Прежде всего из имеющегося в деле акта и показаний свидетелей видно, что хорошие пастбища от колхоза были отобраны и переданы в другой колхоз, а взамен колхозу был дан непригодный солончаковый массив на площади 900 га.

Уже одно это обстоятельство ставит под сомнение виновность Исмаилова. Кроме того, из дела видно, что Исмаилов до 22 февраля работал бригадиром овцефермы и лишь с 22 февраля был назначен зав. фермой и принял от бывш. зав. фермой Ахмедова скот в истощенном состоянии. Уже на следующий день начался падеж скота, который, по словам председателя колхоза Касумова, особенно сильным был в течение трех дней с 23 по 26 марта. В этот день в срочном порядке была создана комиссия, которая без детального выяснения причин падежа ограничилась записью в акт количества павших овец и ягнят с формальным отнесением ответственности на зав. фермой Исмаилова.

Между тем, с учетом всех имеющихся в деле данных, за истощение скота в течение зимы должны были скорее нести ответственность лица, лишившие колхоз зимнего пастбища, предшественник Исмаилова по заведыванию фермой Ахмедов и, возможно, руководство правления колхоза.

В действиях же Исмаилова, вступившего в должность заведующего фермой лишь 22 февраля, отсутствует состав уголовно наказуемого преступления.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

приговор народного суда Агджабединского района и определение Верховного суда Азербайджанской ССР отменить и дело по обвинению Исмаилова производством прекратить.

10. Обвиняемый не может отвечать за последствия, наступившие вследствие обстоятельств, которые он не мог и не должен был ни предвидеть, ни устранить

(1) Дело Зеленской. Осуждена народным судом Шпаковского района Ставропольского края по ст. 111 УК РСФСР. Определение от 28 марта 1945 г.

Зеленская работала зав. магазином № 3 Петровского межрайторга при Грачевском зерносовхозе и признана виновной в преступно-халатном отношении к

своим обязанностям, выразившемся в том, что выручку магазина за 23 и 24 августа в сумме 10 764 руб. в кассу не сдала, а оставила в магазине, где в ночь на 25 августа они были похищены.

Как видно из показаний свидетелей Григорьева и Грицаева, существовала договоренность, на основе которой Зеленская выручку сдавала кассиру совхоза Грицаеву, а последний, в свою очередь, в банк. 24 августа Зеленская принесла выручку Грицаеву, но он от нее деньги не принял, так как в этот день не собирался идти в банк, ввиду чего Зеленская вынуждена была деньги оставить в магазине, где специально хранилища для денег не имелось.

К тому же магазин, по вине уполномоченного Межрайторга Григорьева, остался без охраны, что Зеленой известно не было. Сторож на дежурство не вышел, а послал свою жену, но Григорьев к работе ее не допустил, заявив при этом, что сам будет охранять магазин до прихода сторожа, но, не дождав-шись последнего, ушел домой.

Таким образом доказано, что Зеленская не сдала выручку не по своей вине, а также не по ее вине был оставлен магазин без охраны. При таких обстоятельствах у суда не было оснований для вынесения Зеленой обвинительного приговора.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

приговор народного суда отменить и дело в отношении Зеленой в уголовном порядке производством прекратить.

(2) Дело Данченкова. Осужден народным судом 7-го уч. Ростокинского района г. Москвы по ст. 111 УК РСФСР. Определение от 31 марта 1945 г.

Данченков признан виновным в том, что он, работая агентом орс трамвайного депо, халатно относился к своим служебным обязанностям. Получив на холодильнике мясопродукты, отправил их в магазин с возчиком Богокиным и уборщицей магазина Каширцевой, у которых в пути следования значительная часть продуктов была похищена.

Приговор народного суда подлежит отмене по следующим основаниям. Из материалов дела видно, что Данченков, получив продукты и погрузив их на подводу, ушел в контору холодильника для оформления документов. Возчик Богокин и работница магазина Каширцева, не поставив в известность Данченкова и не получив от него разрешения, поехали с продуктами в магазин. В пути следования подвода, на которой везли мясопродукты, столкнулась с автомашиной, в результате чего груз, лежавший на подводе, рассыпался и часть продуктов, пользуясь темнотой, растащили неизвестные лица. Это обстоятельство подтвердили свидетели Богокин, Каширцева и Реутов. Данченков, выйдя из конторы холодильника и не обнаружив подводу с товаром, принял меры, чтобы догнать эту подводу, но возчик поехал другой дорогой и Данченков не мог их догнать. Данченков не мог предвидеть, что Богокин и Каширцева поедут другой дорогой, что произойдет наезд автомашины и неизвестные лица растащат часть мясных продуктов. Поэтому из дела можно сделать вывод, что недостача продуктов имела место вследствие аварии, а не являлась результатом халатности Данченкова. При наличии таких данных у суда не было оснований для обвинения Данченкова по ст. 111 УК РСФСР. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР определила:

приговор народного суда 7-го уч. Ростокинского района г. Москвы и определение Московского городского суда отменить и дело по обвинению Данченкова по ст. 111 УК РСФСР производством прекратить.

11. Необоснованный перевод администрацией работника на иную должность в пределах того же учреждения или предприятия не создает для работника права на самовольный уход с работы

Дело Чулковой. Осуждена народным судом 4-го уч. г. Рязани по ч. 1 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. Определение от 3 марта 1945 г.

Чулкова по приговору была признана виновной в том, что, работая в Рязанской психиатрической больнице и будучи недовольна приказом администрации о переводе ее с должности агента на должность санитарки за неудовлетворительную работу в качестве агента, она 3 ноября 1944 г. самовольно оставила работу. Рязанским областным судом приговор этот отменен и дело на основании ч. 5 ст. 4 УПК РСФСР производством прекращено за отсутствием в действиях Чулковой состава преступления. Свое определение областной суд мотивировал тем, что, будучи не согласна с переводом на другую работу, Чулкова подала по этому поводу жалобу в РКК, на заседание которой представитель администрации не явился и поэтому жалоба осталась не рассмотренной, в связи с чем Чулкова, не допущенная к прежней своей работе в качестве агента, могла считать себя свободной в своих действиях. Определение областного суда было опротестовано Председателем Верховного суда РСФСР в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, которая своим определением от 20 января 1945 г. протест отклонила, оставив в силе определение областного суда. Повторив мотивы областного суда, Коллегия дополнительно указала на то, что по заключению представителя местного комитета на суде Чулкова была неправильно переведена на должность санитарки, так как она не имела взысканий по должности агента.

Определения областного суда и Верховного суда РСФСР подлежат отмене, так как они оценку действий Чулковой ставят в зависимость от разрешения вопроса об основательности ее перевода на другую работу. Между тем, независимо от правильности приказа администрации о переводе Чулковой, последняя не имела права самовольно уходить с работы, так как по смыслу Указа от 26 июня 1940 г. для ухода работника с работы недостаточно одного лишь его желания и такой уход допускается лишь с разрешения администрации или с санкции уполномоченных органов власти. Поэтому Чулкова, будучи недовольна приказом администрации, могла обжаловать его в установленном порядке, но не имела права на самовольный уход. То обстоятельство, что представитель администрации не явился на заседание РКК, также не создавало для Чулковой этого права, так как не говоря о том, что по делу не выяснены причины неявки, последняя не свидетельствует о согласии администрации на уход Чулковой, равно как нигде законом не предусмотрено, что при неявке одной из сторон на заседание РКК вопрос предполагается решенным в пользу второй стороны. Неосновательна также ссылка Верховного суда РСФСР на заключение представителя месткома о неосновательности перевода Чулковой, как потому, что мнение месткома не является по закону решающим в этом вопросе, так и потому, что вопрос об основательности или неосновательности перевода Чулковой, по уже изложенным выше мотивам, не связан с вопросом о ее ответственности за самовольный уход.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

отменить определение Рязанского областного суда и определение Верховного суда РСФСР в отношении Чулковой и дело передать на новое рассмотрение в тот же областной суд для рассмотрения кассационной жалобы осужденной.

12. Самовольный досрочный уход работника, поступившего на временную работу, влечет уголовную ответственность на общих основаниях

Дело Семика. Осужден народным судом 1-го уч. Городского района Бурят-Монгольской АССР по ч. 1 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. Определение от 28 марта 1945 г.

Семик признан виновным в том, что, поступив 8 февраля 1944 г. на работу на должность бухгалтера, самовольно ушел с работы 23 марта 1944 г.

Приговор народного суда Верховным судом Бурят-Монгольской АССР отменен и дело производством прекращено за отсутствием в действиях Семика состава преступления. Верховный суд Бурят-Монгольской АССР указал, что Семик был принят на временную работу для составления годового отчета и что поэтому в силу п. 6 Положения о рабочих и служащих он мог расторгнуть трудовой договор, сообщив об этом нанимателю за сутки до ухода, что Семиком и было сделано.

Верховный суд Бурят-Монгольской АССР в данном случае имел в виду ст. 6 постановления ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. «Об условиях труда временных рабочих и служащих» (СЗ 127 г. № 9, ст. 80). Однако применение этого закона следует признать неправильным, так как приведенная выше ст. 6 должна считаться утратившей силу в связи с изданием впоследствии Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., где дан исчерпывающий перечень случаев, при которых работник подлежит освобождению от работы и где правило, указанное в ст. 6 приведенного постановления ЦИК и СНК СССР не упоминается.

При указанных обстоятельствах дело подлежало бы передаче на новое кассационное рассмотрение. Учитывая, однако, что в данный момент это дело потеряло свою актуальность и что применение к Семику мер уголовного характера, даже в случае признания его вины, было бы нецелесообразно, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

определение Верховного суда Бурят-Монгольской АССР о прекращении дела Семика оставить в силе.

13. Задержание органами власти является обстоятельством, освобождающим задержанного от ответственности за неявку на работу на время задержания, если только при задержании лицо не находилось в состоянии прогула

Дело Шушаркина. Осужден народным судом Захаровского района по ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. Рязанским областным судом дело прекращено. Определение от 3 марта 1945 г.

Шушаркин признан виновным в том, что он, работая в Захаровской конторе связи в качестве ночного сторожа, 1 октября 1944 г. не вышел на ночное дежурство, чем совершил прогул без уважительных причин.

Областной суд приговор отменил и дело производством прекратил по тем мотивам, что неявка Шушаркина на дежурство была вызвана задержанием его при КПЗ Захаровского отделения милиции с 1 по 2 октября 1944 г.

Определение областного суда и приговор народного суда подлежат отмене по следующим основаниям.

Задержание органами власти является обстоятельством, освобождающим задержанного от ответственности за неявку на работу, вызванную задержанием его, и ответственность он несет лишь за те действия, которые вызвали его задержание, потому что вина, умышленная или неосторожная, как правило, относится лишь к действиям данного лица, повлекшим его задержание, а не к прогулу, явившемуся следствием задержания. Если он действовал с умыслом, то умысел его, как правило, направлен на совершение тех действий, которые вызвали задержание его, а не на совершение прогула. О неосторожной же вине в отношении прогула при данных условиях не может быть и речи, так как нельзя считать, что задержанный должен бы предвидеть задержание его.

Поэтому вопрос об ответственности за прогул, совершенный в связи с задержанием органами власти, независимо от других обстоятельств, мог бы стоять только в том исключительном случае, если бы было установлено, что данное лицо совершило те действия, которые вызвали его задержание, для того именно, чтобы добиться задержания с целью совершения таким путем прогула.

Но ответственность за прогул наступает независимо от задержания в том случае, когда установлено, что данное лицо было задержано уже в состоянии прогула без уважительных причин, в частности, в том случае, когда оно было

задержано в состоянии опьянения, появление в котором на работе приравнивается к прогулу без уважительных причин (ст. 26 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, утвержденных СНК СССР 18 января 1941 г.).

Представленная осужденным при кассационной жалобе справка Захаровского райотделения милиции не могла служить достаточным основанием для прекращения данного дела по мотивам отсутствия в действиях осужденного состава преступления. В этой справке нет достаточных данных для того, чтобы решить, что причиной совершения прогула Шушаркиным явилось задержание его органами милиции. Она, во-первых, не содержит точного указания времени его задержания. Поэтому, а также ввиду того, что по делу не установлено время, когда Шушаркин должен был в этот день явиться на дежурство, нельзя установить, помешало ли задержание своевременной явке его на работу. Во-вторых, в справке нет указания на обстоятельства, вызвавшие задержание Шушаркина. Поэтому нельзя установить, в каком состоянии он был задержан, в частности, не был ли он в таком состоянии, которое, как выше указано, делало его ответственным за прогул независимо от задержания.

Поэтому представление данной справки могло лишь служить основанием для направления дела для вторичной проверки. Это было тем более необходимо, что в судебном заседании Шушаркин вовсе не ссылался на задержание его как на причину прогула. Он сослался тогда на свое заболевание.

Надо, кроме того, отметить, что в нарушение постановления СНК СССР от 21 августа 1940 г. о порядке направления в суд дел о проступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и исполнения приговоров по этим делам, суд принял дело к производству при отсутствии в материалах, направленных в суд начальником конторы связи, справки о прежних дисциплинарных взысканиях Шушаркина.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

определение Рязанского областного суда и приговор народного суда Захаровского района отменить и дело по обвинению Шушаркина направить в тот же народный суд в ином составе на новое рассмотрение.

14. Бандитизм предполагает наличие вооруженной группы

Дело Житкова. Осужден Ташкентским областным судом по ст. 78 УК Узбекской ССР (бандитизм). Определение от 17 февраля 1945 г.

[Извлечение]

Житков признан виновным в том, что 9 ноября 1942 г. он по сговору с осужденными по другому делу Крыловым и Ивановым ограбили гр-н Байбулатова и Алпатову, у которых сняли верхнюю одежду и обувь; 12 июля 1942 г. совместно с Хабибулиным, Орловым и другими в парке г. Ташкента ограбили гр-ку Макарову, у которой отобрали часы и продали их.

Вина Житкова установлена. Однако действия его по ст. 78 УК Узбекской ССР квалифицированы неправильно. Как видно из дела, участники ограбления оружия при себе не имели и не применяли. Поэтому действия Житкова надлежит квалифицировать как грабеж.

15. При решении вопроса о том, имело ли место превышение пределов необходимой обороны, должны быть тщательно учтены обстановка и интенсивность нападения и вызванные ими меры и средства защиты

Дело Мургувиани. Осужден Верховным судом Грузинской ССР по ст. ст. 147 и 202 УК Грузинской ССР (убийство с превышением пределов необходимой обороны и незаконное хранение оружия). Определение от 7 марта 1945 г.

Мургувиани признан виновным в том, что превысив пределы необходимой обороны, выстрелом из револьвера убил Чхетиани Арсена и в том, что незакон-

но хранил револьвер. Из материалов дела видно, что между Мургвилиани и Чхетиани Арсеном были враждебные взаимоотношения и последний считал себя оскорбленным. Первое столкновение произошло между ними на собрании. Родственники и соседи пытались их помирить, но безрезультатно. 22 мая Мургвилиани ехал верхом на лошади по дороге, на ремонте которой работали братья Чхетиани. Последние схватили лошадь Мургвилиани, а его стали избивать лопатами; когда Мургвилиани выстрелили в воздух, Чхетиани бросился стаскивать его с лошади и в это время Мургвилиани произвел второй выстрел, которым и был убит Чхетиани Арсен. При наличии таких данных в действиях Мургвилиани не усматривается превышения пределов необходимой обороны. Вина Мургвилиани в незаконном хранении револьвера установлена и суд правильно квалифицировал его действия в этой части по ст. 202 УК Грузинской ССР. Учитывая, однако, что, как видно из справки председателя сельсовета, Мургвилиани добровольно явился в органы НКВД и сдал имеющийся у него револьвер, следует считать, что назначенное ему судом наказание по ст. 202 УК Грузинской ССР в четыре года лишения свободы является суровым. По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР определила: приговор Верховного суда Грузинской ССР в части обвинения Мургвилиани по ст. 147 УК Грузинской ССР отменить и дело в этой части производством прекратить, а по ст. 202 УК Грузинской ССР определить ему наказание в один год лишения свободы без поражения в правах.

16. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, вызванных необоснованными подозрениями потерпевшего

Дело Магеррамова. Осужден народным судом Вединского района Армянской ССР по п. «г» ст. 193 УК Армянской ССР (кража). Определение от 10 марта 1945 г.

Магеррамов признан виновным в том, что он похитил около четырех пудов муки из квартиры Гусейнова Касима.

Из показаний Гусейнова, данных им в процессе следствия, видно, что Гусейнов подозревал в краже муки Магеррамова лишь потому, что он, являясь его соседом, знал расположение его квартиры, поэтому он считает, что кражу муки никто другой совершить не мог.

Магеррамов как на предварительном, так и на судебном следствии виновным себя не признал и показал, что Гусейнов его оговаривает, так как между ними с давних пор существуют нездоровые взаимоотношения.

Учитывая, что кроме необоснованных показаний потерпевшего Гусейнова других каких-либо данных, подтверждающих виновность Магеррамова, в деле нет, следует признать осуждение Магеррамова неправильным.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила:

приговор народного суда и определение Верховного суда Армянской ССР отменить и дело по обвинению Магеррамова по п. «г» ст. 193 УК Армянской ССР производством прекратить.

17. Органы следствия и суд обязаны тщательно проверить объяснения обвиняемого, отвергающего показания уличающего его свидетеля, заинтересованного в исходе дела

Дело Ошмянского. Осужден народным судом 3-го уч. Сталинского района г. Еревана по ч. 2 ст. 142 УК Армянской ССР (квалифицированная растрата). Определение от 21 марта 1945 г.

Ошмянский признан виновным в том, что он, работая заведующим складом «Масложиртреста», присвоил 916 кг хозяйственного мыла.

Дело против Ошмянского было возбуждено при следующих обстоятельствах:

Счетовод склада Папикян сообщила учетчику мыловаренного цеха завода «Масложиртреста» Айвазяну о том, что она подозревает Ошмянского в отпуске мыла одному из покупателей в количестве, превышающем отпуск, указанный в фактуре. В связи с сообщением Папикян директор завода дал указание проверить отпущенное Ошмянским мыло, но так как автомашина, на которую было погружено мыло, с завода выехала — проверка произведена не была. Вскоре же после этого у Ошмянского была произведена ревизия, которая установила у него недостачу 916 кг мыла.

Ошмянский виновным себя не признал и недостачу мыла объяснил хищением в то время, когда он болел и склад был в ведении других лиц.

Показания Ошмянского заслуживают внимания. По делу установлено, что когда Ошмянский был болен, ключи от склада находились у счетовода склада Папикян. При возвращении Ошмянского на работу после болезни наличие мыла на складе не было проверено. В просьбе Ошмянскому о проверке мыла в цехе директором завода было отказано.

Поведение же Папикян при заявлении ею об отпуске Ошмянским мыла одному из клиентов больше, чем было выписано в фактуре, вызывает подозрение, так как фамилии клиента она не указала, а также не могла указать и фактуры, по которой было отпущено мыло. Таким образом, в условиях невозможности проверки, кому конкретно Ошмянский мог отпустить мыло, следует признать, что заявление Папикян могло иметь цель скрыть хищение мыла во время болезни Ошмянского и ложным заявлением переложить с себя ответственность на Ошмянского. Суд, поверив показаниям Папикян, без достаточных оснований отверг объяснения Ошмянского, которые требовали проверки.

В обоснование приговора суд сослался на свидетельницу Айвазян, которая показала, что Ошмянский просил отпустить 300 кг мыла для покрытия недостачи. Однако суд не принял во внимание, что по показаниям свидетельницы, это произошло уже после ревизии и обнаружения у Ошмянского недостачи и, таким образом, этот факт существенного значения не имеет.

Исходя из изложенного и учитывая недостаточную полноту проведенного по делу следствия, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

приговор народного суда и определение Верховного суда Армянской ССР отменить и дело Ошмянского передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

18. Приговор должен быть основан на точных, проверенных данных с учетом всех обстоятельств как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого

Дело Церодзе и Таварткиладзе. Осуждены народным судом 4-го уч. г. Батуми по ст. 114 УК Грузинской ССР (злоупотребление служебным положением). Определение от 24 марта 1945 г.

Церодзе признан виновным в том, что, работая начальником снабжения и сбыта Аджарского Цитрускомбината, он присвоил 5 кг гвоздей, 20 кг писчей бумаги и 200 м мешковины; не сдал по назначению 3 200 руб., собранных рабочими и служащими в фонд постройки танковой колонны; воспользовавшись халятным отношением к делу со стороны бухгалтера Казаченко, сдал в погашение своей авансовой задолженности квитанцию на приобретение подарков красноармейцам в сумме 6262 руб., тогда как эта сумма была собрана рабочими и служащими и никакого отношения к авансовому отчету Церодзе не имела.

Таварткиладзе суд признал виновным в том, что, работая зав. столовой того же комбината, он присвоил 37 кг. рису, а также некоторое количество фасоли, томата и сала, что было выявлено при ревизии и при составлении отчетности в связи со сдачей склада; не вел ежедневного учета материальных ценностей в столовой и на складе, а также своевременно не сдал выручку по столовой в кассу, вследствие чего во время описи у него оказалась спрятанной в кассе вы-

ручка от столовой в размере 26 534 руб., наряду с этим Таварткиладзе признан виновным в том, что в результате его халатности из столовой было похищено 463 пачки табаку.

Из материалов дела видно, что 200 м. мешковины Церодзе сдал и из них было пошито 40 мешков. Это обстоятельство подтверждается имеющимися в деле официальными актами. Никаких данных, опровергающих эти акты в деле нет. При наличии таких данных обвинение Церодзе в присвоении 200 метров мешковины является необоснованным.

По поводу неправильного списания с Церодзе 6262 руб. в протоколе судебного заседания имеются показания бухгалтера-ревизора Петросяна о том, что после ревизии, произведенной в отсутствие Церодзе, который к этому моменту был арестован, бухгалтер Казаченко представил документ, удостоверяющий, что списание указанной суммы является правильным. Петросян не признает правильность этого документа, однако, он не привел никаких соображений в пользу своей точки зрения. С другой стороны, эксперт-бухгалтер Долидзе на суде показал, что он считает правильным списание с Церодзе 6262 руб. Таким образом и это обвинение следует признать недоказанным.

Неосновательно также инкриминируется Церодзе несвоевременная сдача 3200 руб., собранных рабочими и служащими в фонд постройки танковой колонны. Церодзе показал, что так как счет на этот предмет был закрыт, он обратил ся по вопросу о сдаче указанных денег в соответствующий орган, где ему сказали, чтобы он временно эту сумму держал у себя и Церодзе не успел сдать эту сумму до своего ареста.

Показание Церодзе в этой части подтверждается показаниями на суде свидетеля Кинккладзе. Кроме того, как видно из надзорной жалобы, это обстоятельство было подтверждено преемником Церодзе Сурмава, который не был допрошен на суде, но показания которым были даны на предварительном следствии. Равным образом нельзя признать доказанным обвинение Церодзе в недостатке бумаги и гвоздей. Свидетель Кинккладзе по этому поводу показал, что все работники вместе с другими материалами получили от Церодзе также и бумагу; расходование бумаги точно не фиксировалось. Поэтому некоторая недостача в бумаге имеет лишь формальное значение и не может рассматриваться, как обстоятельство, причинившее комбинату какой-либо ущерб. В отношении гвоздей также нет никаких обстоятельств, свидетельствующих о том, что гвозди были присвоены Церодзе. При тех огромных оборотах в материалах, которыми ведал Церодзе, недостача 5 кг гвоздей не может рассматриваться как какое-либо серьезное обстоятельство, характеризующее преступное отношение Церодзе к своим обязанностям. При наличии таких данных следует признать, что Церодзе осужден без достаточных оснований.

Что касается Таварткиладзе, то следует признать ряд инкриминируемых ему моментов не вытекающими из материалов дела. Как видно из дела, ревизия столовой была произведена уже после ареста Таварткиладзе, причем его преемник Глonti показал, что когда первый раз открыли склад столовой, не было там не только Таварткиладзе, но и Глonti.

При этих условиях недостача, обнаруженная в столовой уже после ареста Таварткиладзе не может быть инкриминирована ему ввиду недоказанности, что она явилась результатом каких-нибудь преступных действий, или бездействия со стороны Таварткиладзе. Нельзя признать доказанным и обвинение в присвоении 37 кг риса. Показаниями на суде свидетелей установлено, что в столовой имелся не рис, а отходы его (сечка). У Таварткиладзе же был обнаружен доброкачественный рис и никаких данных о том, что этот рис принадлежал именно столовой, не имеется; наоборот, указанными выше данными подтверждается обратное. Не установлено также и то, что хищение табаку произошло по халатности Таварткиладзе. По эпизоду, связанному с недостачей 26 534 руб. выручки по столовой, ряд свидетелей на суде показал, что в эти несколько дней в столовой продавался кисель, который сразу превысил обычную выручку. Во всяком случае нет абсолютно никаких данных, свидетельствующих о том что Таварткиладзе действовал в данном случае в каких-либо корыстных целях.

По делу следует признать установленным халатное отношение Таварткиладзе к исполнению своих служебных обязанностей, выразившееся в том, что он не вел ежедневного учета в столовой и на складе. Это его преступление надлежит квалифицировать по ст. 117 УК Грузинской ССР.

Ввиду изложенного, Судебная коллегия определила: приговор народного суда 4-го уч. г. Батуми и определение Верховного суда Абхазской АССР в отношении Церодзе отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить за недоказанностью обвинения. Переквалифицировать преступление Таварткиладзе со ст. 114 на ст. 117 УК Грузинской ССР и определить ему наказание в виде лишения свободы на один год, с зачетом отбытого срока, исключив из приговора взыскание с него определенных судом сумм.

19. При анализе доказательств по делам о взяточничестве должен быть подвергнут исследованию вопрос, насколько обоснованно выдвинуты обстоятельства, обусловившие по версии обвинения факт получения взятки

Дело Б. Осужден народным судом 1-го Сухумского района по ч. 1 ст. 123 УК Грузинской ССР (получение взятки). Определение от 7 марта 1945 г.

[Извлечение]

Б. признан виновным в том, что он, работая старшим референтом одного из учреждений, получил взятку с Ч. Георгия и Ивана в сумме 4500 рублей за освобождение последних от мобилизации на работу в Ткварчельуголь. Приговор народного суда подлежит отмене в отношении Б. по следующим основаниям: обвинение в получении взятки построено на противоречивых показаниях осужденного по делу К., который, как установлено по делу, действительно получил с братьев Ч. 4500 руб., оставив эти деньги у себя. На первом допросе на предварительном следствии К. отрицал факт получения указанных денег, но будучи избобличен показаниями Ч., признался, что он деньги с них получил, якобы передал их Б. за то, что он освободил Ч. от мобилизации на работу. Между тем по делу установлено, что Ч. Георгий и Иван, работавшие в Абхазторге по подвозке хлеба, наряду с другими лицами были вызваны в Горсовет для мобилизации в Ткварчельуголь, но директор Абхазторга договорился с председателем СНК Абхазской АССР об освобождении Ч. Георгия и Ивана от мобилизации на работу и поэтому они не были направлены в Ткварчельуголь. Таким образом, утверждение суда о том, что Б. освободил братьев Ч. от мобилизации на работу в угольную промышленность, противоречит материалам дела.

По изложенным основаниям, считая обвинение Б. недоказанным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

приговор народного суда 1-го уч. Сухумского района и определение Верховного суда Абхазской АССР в отношении Б. отменить и дело о нем производством прекратить за недоказанностью обвинения.

20. При отсутствии прямо выраженного подсудимым отказа от защиты приговор по делу, рассмотренному с участием прокурора и без участия защиты, подлежит отмене даже и в том случае, если самому подсудимому было предоставлено право произнести защитительную речь

Дело Вафина и Хакимзянова. Осуждены народным судом Атинского района Татарской АССР — первый по ст. 109 и второй — по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР. Определение от 10 марта 1945 г.

Приговор суда подлежит отмене по следующим основаниям. Из материалов дела видно, что оно было заслушано с участием прокурора, но без защитников при отсутствии прямо выраженного подсудимыми отказа от защиты. В связи с этим народный суд вынес определение: «Поскольку дело слушается без за-

щитника, защитительную речь предоставить самим обвиняемым». Рассмотрев дело в отсутствие защиты, народный суд нарушил ст. 55 УПК РСФСР, в силу чего и в соответствии с п. 4 ст. 415 УПК РСФСР, приговор не может быть оставлен в силе. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР оредила:

приговор народного суда Атинского района и определение Верховного суда Татарской АССР отменить и дело по обвинению Вафина и Хакимзянова направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в тот же суд, но в ином составе.

21. Квалифицируя действия подсудимого по той или иной статье Уголовного кодекса или иному уголовному закону, суд обязан иметь в виду, что вменяемое по приговору подсудимому действие или бездействие должно находиться в соответствии с диспозицией применяемого при квалификации закона

Дело Кесова. Осужден народным судом 2-го уч. Цалкинского района по ч. 1 ст. 122 УК Грузинской ССР (должностная растрата). Определение от 21 марта 1945 г.

Кесов признан виновным в том, что, работая с 16 октября 1943 г. по май 1944 г. зав. картофельным складом «Тбилтрестобпита» в с. Оляки, он допустил недостачу картофеля в количестве 633 кг. Приговор суда подлежит отмене по следующим основаниям: сама формула обвинения, изложенная в приговоре суда, не давала оснований для признания Кесова виновным в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 122 УК Грузинской ССР. Указанная статья карает за присвоение или растрату. Между тем, ни приговором, ни по делу не установлено, что Кесов присвоил или растратил недостающий картофель. Ни предварительное следствие, ни суд не установили причин недостачи, ограничившись актом ведомственной ревизии, установившей недостачу и допросом одного Кесова. Между тем Кесов утверждал, что недостача картофеля явилась следствием неправильного списания естественной убыли и плохого учета материальных ценностей в бухгалтерии. Объяснения Кесова остались непроверенными. Считая дело не исследованным. Судебная коллегия определила:

приговор народного суда 2-го уч. Цалкинского района и определение Верховного суда Грузинской ССР в отношении Кесова отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

22. Изменяя квалификацию преступления, установленную судом первой инстанции, вышестоящий суд обязан указать мотивы, по которым он пришел к выводу о необходимости изменения приговора.

Дело Беркелиева и Балканова. Осуждены Краснодарским областным судом по закону от 7 августа 1932 г. Верховным судом Туркменской ССР переквалифицировано на ст. 104 УК Туркменской ССР (злоупотребление служебным положением). Определение от 14 марта 1945 г.

Беркелиев и Балканов признаны виновными в том, что, работая в дрово-заготовительной конторе Небит-Дагского района, первый — управляющим и кассиром, а второй — бухгалтером, они систематически расхищали социалистическую собственность путем представления фиктивных документов на заготовку дров, сена и покушку верблюдов. Суд признал, что всего осужденными расхищено материальных ценностей на 669 208 руб.

Верховный суд Туркменской ССР, не оспаривая инкриминированных осужденным преступлений, тем не менее безмотивно переквалифицировал их преступление на ст. 104 УК Туркменской ССР.

Считая определение Верховного суда Туркменской ССР безмотивным и поэтому необоснованным, Судебная коллегия определила:

определение Верховного суда Туркменской ССР в отношении Беркелиева и Балканова отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же Верховный суд в ином составе по кассационным жалобам осужденных.

23. Кассационная или надзорная инстанция не вправе изменять квалификацию преступления на закон, предусматривающий более тяжкое наказание, даже при условии отсрочки в силе назначенного по приговору наказания или снижения последнего

Дело Файзуллаевой. Осуждена народным судом Шемахинского района по п. «а» ст. 206 УК Азербайджанской ССР (кража личного имущества) к двум годам лишения свободы. Верховным судом Азербайджанской ССР переквалифицировано на ст. 210 того же УК (скотокрадство) со снижением наказания до 1 года исправительно-трудовых работ. Определение от 21 марта 1946 г.

Файзуллаева осуждена за кражу осла. Преступление Файзуллаевой надлежало квалифицировать по ст. 210 УК Азербайджанской ССР, однако, поскольку она была осуждена по п. «а» ст. 206 УК Азербайджанской ССР, а по ст. 210 УК Азербайджанской ССР предусматривается ответственность за более тяжкое преступление и установлено более высокое наказание, Верховный суд Азербайджанской ССР не мог изменять квалификацию преступления, даже при смягчении наказания, без направления дела на новое рассмотрение и предъявления Файзуллаевой обвинения по ст. 210 УК Азербайджанской ССР. Поэтому не считая в настоящее время целесообразным отменять приговор для изменения квалификации преступления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

во изменение определения Верховного суда Азербайджанской ССР восстановить квалификацию преступления Файзуллаевой по п. «а» ст. 206 УК, оставив в силе наказание, назначенное Верховным судом Азербайджанской ССР, т. е. один год исправительно-трудовых работ с удержанием 25% зарплаты.

24. Рассматривая дело в кассационном порядке или в порядке надзора, суд не вправе инкриминировать осужденному дополнительные действия или бездействие, не указанные в приговоре

Дело Винокурова. Осужден Московским областным судом по ст. 109 УК РСФСР. Определение от 3 марта 1946 г.

[Извлечение]

Винокуров по приговору признан виновным в том, что он, работая в должности заведующего райторготделом, злоупотреблял своим служебным положением: давал незаконно распоряжение Лизяевой и Сорокиной об отпуске из магазина № 3 нормированных продуктов без карточек в виде подарков отдельным работникам, в том числе получил для себя два таких подарка. Эта незаконная выдача оформлялась через контрольно-учетное бюро путем фиктивной приписки в фондовых ордерах.

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Винокурова подлежит изменению по следующим основаниям.

При рассмотрении дела Винокурова в кассационном порядке, Судебная коллегия Верховного суда указала в своем определении, что Винокуров признан виновным в незаконном распоряжении о приготовлении и выдаче подарков отдельным работникам и в получении лично для себя двух таких подарков, а также в получении продуктов из магазина без карточек. Указание Верховного суда РСФСР, что Винокуров признан виновным в том, что он получил продукты из магазина без карточек приведено в определении Верховного суда РСФСР неправильно, так как областной суд не признал в этом Винокурова виновным.

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, несмотря на эту неправильность, не считает необходимым направлять дело для вторичного рассмотрения в Верховный суд РСФСР, а потому определила: исключить из определения Верховного суда РСФСР обвинение Винокурова в получении им из магазина продуктов без карточек.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. Вопрос о соблюдении или пропуске давностного срока разрешается не в порядке статьи 80 ГПК, а в процессе рассмотрения дела по существу всем составом суда

Определение № 153 1945 г. по иску продбавы
Военфлотфлота Северного флота и Управлению
Кировской ж. д. и др.

Продпромбазы Военфлотторга С. Ф. предъявила иск к Управлению Кировской железной дороги и Ростовской закупочной базе о взыскании 57 792 руб. в возмещение убытков от недостачи табака, следовавшего в адрес истца в порядке прямого смешанного сообщения по накладной за № 62220.

Верховный суд Карело-Финской ССР единоличным рассмотрением члена Верховного суда в принятии искового заявления отказал по тем основаниям, что Кировская ж. д. сообщила об отклонении претензии 6 октября 1943 г., истец же обратился в суд только 19 октября 1944 г. с пропуском 2-месячного срока на обращение с иском в суд, установленного ст. 97 Устава железных дорог СССР.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене единоличных действий судьи в части отказа в рассмотрении искового заявления продпромбазы Военфлотторга и передаче его для рассмотрения по существу подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Действия Верховного суда Карело-Финской ССР об отказе в приеме к своему производству искового заявления продпромбазы Военфлотторга Северного Флота являются неправильными. Вопрос о соблюдении или пропуске истцом давностного срока, как вопрос материального права, разрешается не путем единоличных действий судьи в порядке статьи 80 ГПК, а в процессе рассмотрения дела по существу всем составом суда.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 10 марта 1945 г. определила:

единоличные действия члена Верховного суда Карело-Финской ССР об отказе в приеме искового заявления продпромбазы Военфлотторга Северного флота отменить и дело передать в тот же Верховный суд Карело-Финской ССР по первой инстанции для рассмотрения по существу с участием прокурора.

2. Решение суда, вынесенное в порядке пересмотра дела, не подлежит отмене, если оно соответствует обстоятельствам дела, требованию закона и указаниям, данным судом высшей инстанции

(1) Определение № 265 1944 г. по иску А. М. Одинцовой
и Л. А. Новосельцевой к П. Г. Тырсинной и М. К. Горшковой

Одинцова и Новосельцева обратились в суд с иском к Тырсинной и Горшковой о взыскании 9400 руб. в возмещение ущерба, причиненного пожаром.

Решением от 23 сентября 1942 г. народный суд 1-го участка г. Термеза постановил взыскать с Тырсинной и Горшковой в пользу Одинцовой и Новосельцевой 9400 руб. и судебную пошлину в сумме 658 рублей, произведя взы-

скание с каждого из ответчиков в равной доле. Определением от 23 октября 1942 г. СК Сурхан-Дарьинского областного суда решение народного суда оставила в силе с уменьшением присужденной суммы убытков до 5900 руб.

Определением от 27 мая 1943 г. Судебная коллегия Верховного суда Узбекской ССР определение областного суда отменила и оставила в силе решение народного суда.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В определении Верховного суда Узбекской ССР от 27 мая 1943 г. указано, что дело рассмотрено по протесту Председателя Верховного суда Узбекской ССР, между тем такого протеста в деле нет, чем нарушена ст. 51 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик.

Суд признал установленным, что пожар возник в результате взрыва керосинки и хранения в большом количестве горючего в сарае, принадлежащем Горшковой.

В обоснование иска Одинцова и Новосельцева представили справку Термезской городской пожарной охраны от 24 августа 1942 г., которой удостоверяется возникновением пожара по вине Горшковой и Тырсиной.

Поскольку в деле имеются данные о том, что пожарная команда прибыла на место пожара много времени спустя после его возникновения и ответчики отрицают факт возникновения пожара в их кладовой, суд должен потребовать от пожарной команды материалы, на основании которых была дана вышеуказанная справка, и проверить обоснованность выводов о возникновении пожара в кладовой Горшковой. В случае надобности, суд может потребовать заключение по этому вопросу компетентных лиц.

Необоснованным является решение и в части определения размера подлежащего возмещению ущерба. Судом не установлено качество вещей, стоимость которых взыскивается истцами, и не проверена правильность оценки имущества.

Соглашаясь с доводами, изложенными в протесте Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 30 мая 1944 г. определила:

Решение народного суда, определение областного суда и определение Верховного суда Узбекской ССР по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение в Сурхан-Дарьинский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

(2) Определение № 304 1945 г. по иску А. М. Одинцовой и Л. А. Новосельцевой к П. Т. Тырсиной и М. К. Горшковой

Одинцова и Новосельцева обратились в суд с иском к Тырсиной и Горшковой о взыскании 9400 руб. ущерба, причиненного пожаром.

Народный суд 1-го участка г. Термеза решением от 23 сентября 1942 г. постановил взыскать с Тырсиной и Горшковой в пользу истцов 9400 руб. в равных долях. Сурхан-Дарьинский областной суд определением от 23 октября 1942 г. решение народного суда оставил в силе с уменьшением присужденной суммы до 5900 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР от 27 мая 1943 г. отменила определение областного суда и оставила в силе решение народного суда.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определением от 30 мая 1944 г. все судебные решения и определения отменила, передав дело на новое рассмотрение в Сурхан-Дарьинский областной суд.

При новом рассмотрении дела Сурхан-Дарьинский областной суд решением от 31 августа 1944 г. в иске Одинцовой и Новосельцевой к Тырсиной и Горшковой о взыскании 9400 руб. отказал и, принимая во внимание, что решение суда об удовлетворении иска приведено в исполнение, представил Тырсиной и Горшковой право на обратное взыскание денег. Судебная колле-

гия Верховного суда Узбекской ССР определением от 12 октября 1944 г. решение областного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда Узбекской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Судебная коллегия Верховного суда Узбекской ССР отменила решение областного суда по тем основаниям, что имеющимся в деле актом пожарной охраны от 28 июля 1942 г. установлено возникновение пожара по вине Тырсиной и Горшковой, допустивших приготовление обеда в кладовой, где хранился бензин и керосин, и что размер ущерба определен в 1050 руб. Однако этот акт и выданная пожарной охраной на основании этого акта справка были признаны Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР недостаточными для возложения на ответчиков обязанности возместить истцам ущерб от пожара, а потому эти документы не могли быть положены в основание судебного решения, как доказательство возникновения пожара по вине ответчиков.

При новом рассмотрении Сурхан-Дарьинский областной суд разрешил дело в соответствии с указаниями, данными СК по гражданским делам Верховного суда СССР в определении от 30 мая 1944 г., и поскольку данных о том, что пожар возник по вине ответчиков не установлено, суд имел основания для отказа в иске.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 мая 1945 г. определила:

Отменить определение Верховного суда Узбекской ССР от 12 октября 1944 г. и оставить в силе решение Сурхан-Дарьинского областного суда от 31 августа 1944 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
Постановления Пленума Верховного суда СССР	3
Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР	9
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	27

ЮФ СПбГУ

Редактор *В. П. Усков.*

Цена 1 р. 30 к.

Подписано в печати 27/VII 1946 г. Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 2,6 В печ. л. 704~~30~~ знаков
А09771 Заказ 868 Тираж 25000 экз.

Набрано в типографии «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», Москва, Сушевская, 21.
Отпечатаю в типографии Углетехиздата Минзападугля.
Москва, Елецкий пер., 7.